

Снежана Масалькина

Зеркало Уштар

Литагент Снежана Масалькина

Зеркало Иштар

«автор»

2024

Снежана Масалыкина Л.

Зеркало Иштар / Л. Снежана Масалыкина — «автор», 2024

Получив в наследство от родной тётки-писательницы старый особняк, Аина неожиданно для самой себя оказалась втянута в водоворот странных событий. Неопубликованные первые рассказы именитой родственницы, обнаруженные девушкой на чердаке, таинственные тени в старинных зеркалах, которыми увешан весь дом, и ощущение неизбежности вынуждают молодую журналистку разобраться не только с прошлым умершей тёти - автора многочисленных мистических бестселлеров, но и с тайнами своей семьи. От автора: Мистика, загадка и семейная тайна с очаровательной кошкой в одной из главных ролей.

© Снежана Масалыкина Л., 2024

© автор, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Когда падают звезды...	8
Глава 2. Агония сердца	12
Глава 3. Свет мой, зеркальце...	16
Глава 4. Ди Ху	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Снежана Масалькина

Зеркало Иштар

Снежана Масалькина

* * *

Пролог

Родную тётку по матери я никогда не видела. В тот год, когда я родилась, сёстры-двойняшки поссорились и с тех пор не общались. Ссору эту в нашей семье никогда не вспоминали. Молчали и про тётку – известную в нашей стране писательницу Диану Салмаз, автора многочисленных бестселлеров и мистических романов. Сколько себя помню, всегда удивлялась, почему Ди (как звала её бабушка) не покинула наш маленький южный городок на берегу Таганрогского залива и не переехала в Питер с его туманами и тайнами.

Став знаменитой и богатой, Диана Владимировна Хумар (по паспорту) осталась жить в провинции, купила запущенный купеческий особняк в старой части города и переехала в него сразу после окончания восстановительных работ, установки современных систем охраны и высокого забора. Светские мероприятия она не посещала, редко давала интервью, и мало кто мог похвастаться, что видел её вживую.

На фотографиях в гляцевых журналах и популярных интернет-изданиях тётя выглядела всегда очень молодо и поражала меня странной немеркнувшей красотой.

Разбирая тётини вещи в тишине и прохладе старинного дома, отписанного мне Дианой Хумар, перебирая её фотографии, я не могла отделаться от мысли, что с этим наследством что-то не так. Но посмертных посланий нотариус при оглашении завещания не передал, барабашки по дому ночами не бродили, а поскольку тётка ещё и денег завещала поровну всей нашей семье, то от особняка я решила не отказываться и переехала в него жить.

К своим тридцати пяти годам я, Аина Дмитриевна Сергеенко, неплохо зарабатывала на удалёнке журналистом и копирайтером, параллельно сочиняла фэнтези и выкладывалась на литпорталах. Публиковалась я везде и всегда под своим именем, но с маминой девичьей фамилией. Аина Хумар – звучало загадочно и необычно.

Последний год мои книги начали пользоваться популярностью, гонорары приятно росли, и я даже стала подумывать полностью переключиться на писательство. Тётин особнячок как нельзя лучше располагал к реализации задуманного.

Единственное, что смущало меня в обстановке, – многочисленные зеркала в тяжёлых резных рамах. Большие и средние, они украшали комнаты и простенки. Ни одного современного, все по меньшей мере из девятнадцатого века. Хотя я в антикваре не разбиралась, и красивые вещицы могли оказаться новоделом. Но рамы явно были ручной работы, резные с замысловатыми узорами. Зачем тётя Ди окружила себя таким количеством зеркал, я не понимала. Мама предположила, что сестра не могла налюбоваться своей нестареющей внешностью, оттого и навешала столько стекла в доме.

Менять в особняке я ничего не стала, перевезла свои пожитки (предварительно разобрав и выбросив кучу ненужностей), выдраила дом от входной двери до чердака и вот теперь, счастливая и довольная, сидела в гостиной в большом кресле с высокой спинкой, перебирала тётини фотографии и бумаги, неторопливо потягивая вино и лениво размышляя о загадочной Диане Салмаз.

Кошка Эдина (шикарный мейн-кун дикой расцветки) запрыгнула на мои колени, едва не задев бокал с вином. Я дёрнулась, пытаюсь удержать руку, бумаги с фотографиями съехали на пол, и только толстая тетрадка в оранжевой обложке застряла между ногой и подлокотником. Чертыхнувшись, я поставила фужер на столик, выбралась из кресла, собрала разлетевшиеся карточки и листы и сложила в коробку. Вытащила тетрадь и, перелистав пожелтевшие страницы, залипла на содержимом.

На первом листе размашисто и витиевато красовалось тётино имя «Диана Хумар». Чуть ниже стояло «Рассказы». От этой находки в груди что-то ёкнуло, когда я осознала, что в моих

руках оказалась рукопись с первыми историями тётки Ди. Уверена, мир о них так и не узнал, поскольку все романы она писала и издавала исключительно под псевдонимом.

Однажды из чистого любопытства я попыталась отыскать транскрипцию псевдонима, а нашла значение имени. Салмаз в переводе с азербайджанского значило «немеркнущая». Чем-чем, а скромностью моя тётя не страдала.

Притащив с кухни бутылку вина, клубнику и воду в графине, я передвинула кресло поближе к окну, выходящему в сад, и уютно устроилась, приготовившись приятно провести вечер. Ветер стих, и на секунду мне показалось, что старый дом замер в ожидании чего-то неизбежного. Но Эдина запрыгнула на подоконник, и волшебство упорхнуло, оставив в душе лёгкое послевкусие тревоги и оранжевую тетрадку на моих коленях.

Глава 1. Когда падают звезды...

К моему удивлению, на второй странице оказались стихи, написанные аккуратным, почти каллиграфическим почерком, подписанные незамысловато «Ди Ху – Птица счастья».

Собственно, наша фамилия по маминной линии – Хумар – переводится с персидского именно так. Что примечательно, персов в роду не было. Когда-нибудь я всё-таки напишу историю, в которую вплету замысловатую историю нашего рода со всеми легендами и сказками, рассказанными бабушкой.

Но сейчас я читала тёткины стихи и будто наяву слышала её неторопливый волшебный голос. Однажды я видела интервью с ней по телевизору и была очарована его тембром. Мелодичной голос Дианы напоминал мамин. Но если мама журчала ручейком, то Ди звучала полноводной горной рекой, непредсказуемой и уверенной в своём величии.

*«За все грехи свои я заплачу сама
Без сожаления, раскаянья и страха.
Без оправдания и помощи глупца,
Без трепета – сама взойду на плаху.
И я прощу – любивших не меня.*

*И пожалею – жалких и несчастных.
И поглотит остывшая земля
Меня саму и всех ко мне причастных.*

*Я рассмеюсь в лицо пустой толпе,
И палачу я поцелую руки,
И я прощу – доставившихся не мне,
И отпущу – страдающим их муки.*

*И на колени стану я сама,
И улыбнусь, кладя главу на плаху.
Мне жизнь была дана всего одна,
Но, с ней прощаясь, я уйду без страха.
Ди Ху – Птица счастья».*

Задумчиво перевернув страницу, я на несколько секунд выпала из реальности, пробуя на вкус тёткины мысли и чувства. А когда подняла глаза, мне показалось, что в саду мелькнула какая-то тень. Я вздрогнула и отыскивала глазами кошку. Но Эдина спокойно спала, свесив лапы и хвост с подоконника. Если бы кто-то пробрался во двор, моя домашняя рысь уже бы выглядывала свою жертву через москитную сетку.

Я отхлебнула вина и продолжила чтение.

«Когда на небе загорается новая звезда, значит, на Земле родился хороший Человек. Когда Звезда падает и, умирая, скользит по Своду Небес, это чьё-то Сердце, обожжённое пламенем Настоящей, но Безответной Любви, отдаёт свой Жар Любимому Человеку».

Часы пробили двенадцать. Тёмное небо за окном было по-зимнему холодным и далёким. Февраль. Алмазы звёзд мерцали ровным светом, даря земле своё холодное сиянье. Вдруг одна из них сорвалась, но не сгорела мгновенно, подобно искре на ветру, а медленно заскользила по сине-чёрному граниту ночи.

«Странно, почему звезда так медленно падает?» – подумала Она, глядя из окна тёмной комнаты на звёздное небо. В открытую форточку острыми морозными иглами врываются звуки ночи.

«Одна минута первого», – мысль возникла ниоткуда. И неожиданно Она поняла, что давно уже не слышно звуков ночного города: глубокая тишина вошла в крохотный мир её комнаты, словно живое существо, заполняя собой пространство.

Звезда, казалось, не спешила сгорать. Она словно отдавала кому-то свой последний и потому особенно яркий огонь. Как будто пыталась поведать миру свою историю.

Девушке у окна вдруг вспомнилось, что завтра, а вернее, уже сегодня, наступает День святого Валентина. «А пока – и только для меня – ночь Падающих Звёзд», – усмехнувшись, подумала Она и прошептала:

– Здравствуй, Падающая Звезда.

– Здравствуй, девушка у окна, – хрустальными брызгами ворвался в комнату ответ.

– Кто ты? – удивилась Она.

– Я Падающая Звезда, – серебряными колокольчиками отозвался кто-то.

– Ты сгораешь. Почему?

– От любви и во имя любви.

– О, как бы мне хотелось так же, как ты... – выдохнула Она отчаянно, – так же сгореть, отдав всю любовь свою Ему.

– Это так просто для тех, кто действительно любит, – голос Падающей Звезды был нежен и ласков.

Она замерла в ожидании ответа.

– В Ночь Валентинок звёзды не сгорают. Когда-то я так же, как и ты, стояла у окна в такую же ночь. Мне было грустно и одиноко: тот, кого я любила всей душой и болью своего сердца, меня не любил. И тогда я решила: пусть будет так, как есть. А я научусь ждать и стану ему путеводной звездой. И однажды, когда придёт его время, подарю ему волшебство вечной любви, жар и силу своего сердца.

– У тебя получилось?

– Как видишь. В эту минуту Он стоит у окна и следит за мной напряжённым взглядом. С ним рядом его Мечта: та, что разожгла в нём пламя любви. Их желание обоюдное, но они оба боятся сами себя и своих чувств. И я счастлива, что могу исполнить мечту любимого, подарить ему веру в счастливое будущее.

– Тебе не страшно? Ведь ты умрёшь.

– Падающие Звёзды не умирают в эту ночь, но остаются в душах тех, во имя которых сорвались с неба. Настоящая любовь бескорытна и не требует ничего взамен.

– А если... – девушка у окна не договорила.

– Попробуй. Сегодня волшебная ночь. И если желание твоё велико, а любовь безгранична, ты станешь его путеводной звездой и однажды поведёшь любимого за собой по дороге счастья.

Падающая Звезда скользнула совсем низко, почти задев ночной горизонт. Но огонь её по-прежнему был ярким.

– Прощай, – в последний раз еле слышно прозвенело в комнате.

Звезда мигнула и растворилась, утонув в океане ночи.

– Прощай, Падающая Звезда, – прижав руку к сердцу, прошептала девушка у окна.

Холодный ветер давно выстудил пустую комнату. Еле слышно позвякивали стеклянные льдинки бра над тахтой. В раскрытое окно влетали робкие снежинки. Стекло фотографии, оставленной на подоконнике, заиндевело, причудливой морозной рамкой обрвав чьё-то лицо...

А высоко над землёй в холодном февральском небе засияла новая звезда».

Когда я оторвалась от чтения, южное небо уже мерцало огоньками. «Это ангелы приглядывают за нами с небес», – всегда говорила мама, когда заставляла меня летом у распахнутого окна, и сгоняла с подоконника. Отец утверждал, что звёзды – это души умерших людей. И только бабушка ничего не говорила, тихонько хмыкала и пыхла трубкой.

История о падающих звёздах вызвала во мне какие-то смутные воспоминания, будто всё, что я прочла в рассказе, случилось на самом деле, и я была тому свидетелем. Я сползла с кресла, с трудом поднявшись на затёкшие ноги. Эдина лениво приоткрыла один глаз, тут же закрыла и снова засопела. Я сладко потянулась, всё ещё размышляя над прочитанным. Плеснула воды в высокий стакан и подошла к окну.

Широкий подоконник располагался близко к полу, словно кто-то хотел сделать французское окно, но потом передумал. Зато получилась прекрасная ниша для отдыха с книгой: сиденье из мягкого матрасика, обшитого диванной тканью, несколько подушек и обитые текстилем откосы создавали иллюзию кушетки. Прекрасный вид на слегка запущенный сад дополнял антураж писательского кабинета и места для отдыха. Именно здесь тётя Ди создавала свои шедевры: обстановка располагала. Да и прекрасный письменный стол, примостившийся возле другого окна, не оставлял сомнений.

Взглянув на часы, я решила, что звонить маме уже поздно. Вопросы, возникшие в голове после прочтения звёздной истории, вполне могли подождать до утра. Я подхватила тетрадку и посуду и отправилась готовиться ко сну. По пути в ванную комнату машинально посмотрела в большое квадратное зеркало и остолбенела: тёмное бархатное южное небо загадочно мерцало звёздами внутри стекла. Я зажмурилась и резко распахнула глаза: призрачная поверхность отражала слегка растрёпанную и перепуганную меня. Оглянувшись через плечо, я убедилась, что много читать на ночь всё-таки вредно: за моей спиной ни окна с небом, ни картины с изображением не было.

«Воображение. Это всё моё буйное воображение», – уняв сердце, заполошно токующее в груди, выдохнула я и отправилась по слегка скрипучей лестнице в спальню. Тётя Ди под опочивальню отвела огромную мансарду. И это мне тоже очень нравилось. Тем более что у одного из окон, так же выходящих в сад, разместился небольшой столик, на котором с комфортом разместился мой ноутбук. А рядом встало добротное широкое кресло с высокой спинкой.

Забравшись в кровать, я недолго спорила с собой. «Ещё один рассказ – и спать!» – убедилась я сама себя и раскрыла следующую страницу.

*«Люблю тебя до умопомраченья,
До черноты в глазах,
До немоты в словах,
До ломоты люблю
Во всём уставшем теле.*

*Люблю тебя душой, не напоказ.
До коликов в груди,
До темноты в висках,
До судорог люблю
В своей пустой постели.*

*Люблю тебя до грани, до везенья,
До линши,
Дотла,
До всех глубин люблю.*

Люблю тебя.

*Люблю до сожаленья,
Что я любить сильнее не могу».*

Почему-то после этих слов меня одолело дикое желание отложить тетрадь, укрыться с головой одеялом и уснуть без сновидений. Что я и сделала, послушав интуицию.

Глава 2. Агония сердца

Кошмары меня не мучили, но всю ночь мне снилось бесконечное звёздное небо, равнодушно вззирающее на девушку, падающую из окна. И почему-то эта девочка очень напоминала тётю Диану. Ту, какую я помнила на фотографиях семейного фотоальбома. Маленькой я любила сидеть с бабушкой в большом кресле и рассматривать старые фотографии. Иногда бабуля рассказывала мне забавные истории о людях с картинок.

На самом деле Мавия – моя прабабка по материнской линии. Вся семья зовёт её Мавка – за красоту, которую она умудрилась сохранить и в глубокой старости. И за харизму, перед которой до сих пор не может устоять ни один человек, будь то ребёнок или глубокий старец, как и она сама. А уж цвету её глаз – редкого фиолетового оттенка – завидуют все знакомые с ней женщины.

Замерев перед зеркалом в ванной, я вдруг осознала, что у всех барышень нашего рода радужка редкого цвета. У мамы – чистая зелень, которой обладают только два процента жителей земли. У тётки зрачок словно в янтаре застыл. У меня и вовсе гетерохромия: один – зелёный, другой – фиолетовый. Из-за разноцветия меня с детства часто дразнили ведьмой. В юности в сочетании с чёрными длинными тяжёлыми косами это добавляло моему образу шарма и загадочности. Собственно, с возрастом моя внешность только улучшилась, можно сказать, что я только-только вошла в пору прекрасного лебедя.

Отмерев и закончив утренние процедуры, я погрузилась в продуманный хаос своей жизни: кофе, проверка почты, выкладка проды, отправка статей, зарядка эндорфинами (её величество королева Эдина не даст забыть о своей особе), соцсети. Привычная жизнь привычно текла под стук клавиш ноутбука, пиликания сообщений и арийских мелодий от входящих звонков.

Несколько раз я проходила мимо зеркала, в котором накануне вечером мне привиделось звёздное небо. И каждый раз я заглядывала в него, задержав дыхание: а вдруг?.. Как выглядит этот «вдруг», я не понимала, как и то, зачем он мне нужен. Но сердце сжималось маленьким котёнком и начинало дрожать непонятно отчего. Перед глазами вспыхивала оранжевыми бликами обложка тетрадки, и я с трудом сдерживала желание бросить всё и усесться за чтение.

Глубоким вечером, переделав все рабоче-личные дела, я наконец уместилась с блокнотом в кресле у окна. Чтобы лишний раз не отвлекаться, на столике рядом разместился на подставке с подогревом пузатый стеклянный чайник с моим любимым напитком – фруктовым не-чаем, тарелка с сыром, овсяные печенки и плитка тёмного шоколада с орехами. Погладив Эдину, умастившуюся на моих коленях, я раскрыла тетрадку и утонула.

«Ты когда-нибудь видел, как мучительно умирает солнце в волнах вечернего моря? Как отчаянно обнажённые кроваво-рубиновые лучи цепляются в последнем усилии за облака, птиц, небо?»

Агония сердца длится быстро, но так неоправданно долго. Парадоксально, не так ли?

Там, на горизонте, возле самой кромки, где сливаются в одно небо и вода, море похоже на жадное, ненасытное чудовище, которое всасывает, втягивает в себя горячее сердце небес.

Там темны и полны крови морские волны, тягучей и густой кажется морская плоть.

Там слышится и тяжёлое холодное размеренное дыхание морских глубин.

Там даже волны, весело бегущие днём, надменно и грузно несут себя к берегу, чтобы обрушить свою мощь на обожжённые камни.

Подобно солнцу обжигала любовь к тебе мою душу, озаряя мир вокруг яркими лучами. Буйным цветом прорастали во мне неведомые ранее мысли и чувства.

Ты был моими небесами, птицами, облаками. Воздухом.

И так же, как солнце, поглотило море отчаяния и безнадежности пылающее любовью сердце, оставив кроваво-чёрные полосы на жизни.

Мир по-прежнему ярок. И я живу в нём. Одна. Тот факел страсти превратился в маленький, ровно мерцающий вечный огонёк.

И если сердце небес – солнце – каждое утро возрождается, подобно Венере, из глубин морских, то моё умерло в день, когда истина постучала в дверь: НАВСЕГДА.

Последним лучиком надежды – заката – и первым лучиком веры – рассвета – живёт во мне несмолкающая музыка любви. И я молю жизнь несущее солнце и небеса даровать тебе счастье и уверенность в том мире, который строишь Ты».

Послевкусие после рассказа оседало на душе холодными каплями вечерней росы. Я зябко повела плечами и спустила ноги на пол. Меня безудержно тянуло к зеркалам, но я сдержалась, задумчиво глядя в окно. Густые тени окутали сад, отголоски заката измазали деревья чёрно-красными мазками, причудливо вплетаясь в ветви, одушевляя темноту, делая её живой. В какой-то момент мне даже показалось, что в плетёном кресле возле раскидистого куста белой розы кто-то сидит, неторопливо попивая что-то из хрустального бокала. Иллюзия была настолько яркой, что я отчётливо видела блики тусклого света, вспыхивающие на гранях, когда фужер подносили к губам.

– Тётя Ди? – произвольно прошептали губы, и я замерла, настороженно ожидая ответа.

– Мр-р-мя-ыв!

Что-то холодное ткнулось мне в руку, и я вскрикнула:

– Эдина, чёрт тебя побери! Так и до инфаркта довести недолго!

В груди гулко и часто колотилось сердце, вызывая гул в ушах и жар в щеках. Я прижала ладони к лицу и глубоко задышала, пытаюсь успокоиться.

– Так, Аина, хватит выдумывать на пустом месте мистику. Не настолько уж страшны рассказы, чтобы тебе всякая жуть мерещилась, – произнесла я вслух в надежде, что звук собственного голоса успокоит расшалившиеся на пустом месте нервы.

Ни один ужастик давно не приводил меня в такое состояние, и я тихо начинала злиться сама на себя за непонятную реакцию на тётины истории, на летний сумрак, на кошку, которая продолжала тыкаться в меня, мурча и легонько потягивая за платье.

– Ну что? Что ты хочешь, моя дорогая? – подхватив крупное пушистое тельце своей красавицы и заглянув в её глаза, поинтересовалась я. – Кушать? Ну пошли, положу тебе печёночки, вымогательница.

Эдина, не мигая, вглядывалась в моё лицо, словно хотела что-то в нём разглядеть. От её взгляда мне снова стало не по себе, и я крепко прижала к себе мейняшку, поцеловав в уши и лоб.

– Ну всё, всё, отпускаю! – улыбнулась я, опустив мейн-куна на пол.

Задрав хвост и не оглядываясь на меня, Эдина уверенно двинулась в сторону кухни. Я неторопливо пошла за ней, угомонив сердце и выровняв дыхание. В голове звучала приписка, небрежным тётиным почерком сделанная после рассказа.

«Не хочу ни любви, ни почестей:

– Опьянительны. – Не падка!

Даже яблочка мне не хочется

– Соблазнительного – с лотка...

Что-то цепью за мной волочится,

Скоро громом начнёт греметь.

– Как мне хочется,

Как мне хочется —

Потихонечку умереть!»

Цветаевские строки бились в висках в такт моим шагам. Я снова утонула в мыслях: что такого в этих рассказах? Самых первых и местами наивных, но так цепляющих разум и душу.

«Вымысел это или правда? Вот в чём вопрос!» – кто-то прошептал в голове, и я сбилась с шага, остановилась и нахмурилась, стараясь удержать ускользающую мысль. Когда подняла глаза, оказалось, что стою напротив зеркала, рама которого с самого начала меня завораживала. По всему овалу расположились сердца в огне, умело спрятанные в завитках, похожих на волны.

– Мр-р-мыр-мяф. – Громкий зов с кухни напомнил мне, куда я шла.

Спохватившись, я мельком глянула в зеркало и пошла на голос Эдины. Выложив рыбу в кошачью тарелку, я достала из холодильника холодной воды, напилась прямо из бутылки. «И когда ты научишься пить из стаканов?» – мамин укоризненный голос в голове вызвал у меня привычный тихий смешок.

– Так вкуснее, – поставив кружку на стол, жизнеутверждающе произнесла я, погладила Эдину и отправилась в гостиную, намереваясь прочитать ещё один рассказ и отправиться спать.

«Желательно без сновидений», – мелькнуло в душе желание, пока я торопливо проскальзывала мимо зеркал в коридоре.

Умостившись в кресле, я задумчиво раскрыла тетрадку и перелистнула страницу.

*«О, как нам часто кажется в душе,
Что мы, мужчины, властвуем, решаем.
Нет! Только тех мы женицин выбираем,
Которые нас выбрали уже.
Николай Доризо*

Странно, почему именно ТЕБЯ и именно в настоящем я вспомнила именно СЕЙЧАС, когда моя жизнь нашла своё место в пространстве?

Постепенно наладился быт. Появился свой бизнес. И вдруг вчера – первое стихотворение (так, ни о чём – о прошлом), и – о тебе. Впервые за два года.

Или о нас.

Впрочем, «нас» нет. И никогда не было.

Просто осень в год моего тридцатилетия выдалась тёплой. На редкость бархатной. Время спокойной любви, неги и безоблачного счастья.

В ту осень мне было... дай Бог памяти. Двадцать два? Двадцать четыре?

2000 год. Август.

Мы познакомились в лучшую пору моей жизни. Я поступила в университет. Начала работать в газете. Молодая перспективная журналистка. Газетчик. Полная радужных надежд (я изменю мир!) и мечтаний барышня.

Встретила тебя.

Но даже сейчас, когда я совершенно точно знаю, что моя (заметь, именно моя, а не наша) история ни при каких обстоятельствах не могла закончиться благополучно, я говорю тебе: «Спасибо».

Спасибо, ибо благодаря тебе моя душа узнала, что такое Любовь. Пускай неудачная, неразделённая, с болью и кровью. Пускай коварная и иссушающая, безобразная в своей красоте и слабая в своей безжалостной силе. Но она была, и потому – спасибо тебе.

Спасибо, ибо я узнала, что слова в книгах не просто сказки и писательский вымысел. На край света, босиком по раскалённым углям... Звучит банально? В то время я так умела. Ради тебя. Во имя тебя. За тебя. Вопреки всему.

Спасибо тебе за это.

Спасибо за вулкан страстей, что взорвал все мои ледяные дворцы, вековые заносы снега и нагромождения неприступных камней, ослепительно в своей первозданной нетерпимости к чувствам мрамора.

Спасибо тебе. За то, что ушёл от меня. Бросил жестоко. С фарсом. В новогоднюю ночь. Спасибо.

Мне нечего тебе прощать. Я прошу прощения – у тебя.

За то, что выжила. Выздоровела. Ожила. Прости... Тебе было важно знать, что разум мой принадлежит тебе, несмотря ни на что.

За то, что уже не твоя – ни душой, ни телом.

За то, что не люблю тебя больше как Бога. Больше, чем Бога.

За то, что вот уже два года, как перестала беречь тебя и молить за тебя Спасителя.

За ошибки твои неразумные. За гордыню твою. За мучительную любовь к тебе другой женищины. За убитых тобою (руками врачей) не рождённых ею твоих детей.

Но знаешь, я до сих пор верю: и на камнях могут расти цветы.

Пусть душа моя сейчас холодна, а на сердце легко и пусто. Пусть радуга не такая яркая и не играют радостью краски. Наступит день – и робкие ростки любви и счастья пробьются на поверхность. И в мёртвых садах моей души буйным цветом расцветёт разнотравье чувств. Забьют фонтаны эмоций и разольётся полноводная река нежности.

Я верю: так будет и с тобой.

Прощай. Будь счастлив.

Не твоя».

Я зависла над последней строчкой и не сразу заметила приписку, сделанную карандашом: «Le soeur a ses raisons que la raison ne connait pas». И если в латинском, коим увлекалась в юности, я была достаточно сильна, то французский оставался за гранью моих способностей. Отложив тетрадь в сторону, я с трудом слезла с кресла. Ноги затекли от долгого сидения и не желали разгибаться. Пока я разминалась, приводя конечности в порядок, в голове крутился вопрос: открыть ноут и поискать в интернете перевод фразы или забить на всё и лечь спать? Дилемма... Но Эдина решила за меня.

Спрыгнув с подоконника, где она всё это время благополучно то ли спала, то ли наблюдала за ночной жизнью сада, кошка подошла ко мне, потёрлась о ноги и муркнула, намекая на поздний ужин. Разогнувшись и потоптавшись на месте, я кинула задумчивый взгляд на тетрадку, заманчиво раскрытую на последней прочитанной странице, и решительно двинулась в сторону кухни. Проходя мимо зеркал, я, не зная почему, старательно делала вид, что они не висят на стенах, а тени в их тяжёлой глубине ни разу не живые, а всего лишь плод моего воображения.

Глава 3. Свет мой, зеркальце...

Проснулась я разбитая и вымотанная, словно всю ночь рыдала, страдая по фантомному возлюбленному. Мутным взглядом обведя спальню, машинально погладила Эдину, заскочившую ко мне на кровать с требованием выпустить погулять в сад и покормить. Причём последовательность действий обязательно должна быть соблюдена: сначала распахнутая дверь в сад и церемониальный обход владений, и только после этого завтрак.

Вздыхнув и чмокнув кошку в лоб, я откинула одеяло и спустила ноги на пол. Пальцы бессознательно попытались зарыться в густой ворс прикроватного коврика, но наткнулись на нечто гладкое и прохладное. Взвизгнув, я поджала ноги и настороженно глянула вниз, ожидая увидеть какого угодно гада в качестве презента от кошки. Но возле кровати, глянцево поблескивая солнечными зайчиками, лежала тёткина тетрадка. Та самая, которую вчера ночью я оставила раскрытой в кресле.

Я тупо разглядывала рукопись, пытаюсь сообразить: что-то с памятью моей стало и я не заметила, как уволокла с собой блокнот? Но я чётко помню, что решила не читать на сон грядущий продолжение тёткиных фантазий. И на кухне, насыпая Эдине сухарей в миску, даже не вспомнила о том, что надо вернуться и убрать тетрадь на стол, чтобы коша – большая любительница поспать в моём любимом кресле – не помяла страницы.

– Fortis imaginatio generat casum – сильное воображение рождает событие, – буркнула я на латинском и, свесившись с кровати, подобрала тетрадку. Кошка недовольно покосилась на нарушительницу её планов, и, увеличив вес тела раза в три, демонстративно рухнула мне на живот.

– Эдина! Чтоб тебя... – беззлобно рыкнула я, сдвинув наглое чудовище (от слова «чудо») пониже. – Читать или не читать? Вот в чём вопрос, – глубокомысленно изрекла я, обеими руками держа тетрадь, словно неведомую зверушку, которая пытается ускользнуть. – Хм... По моему, ускользнуть она не пытается. А очень даже наоборот – прискользнуть. Ладно, Эдина, пару страниц – и завтракать, да?

Кошка дёрнула ухом, но даже голову не соизволила повернуть в мою сторону. Лишь кончик хвоста шевельнулся, одним движением рассказав мне всё, что думает обо мне его хозяйка.

«– Зеркало, мой свет, скажи,

Да всю правду доложи:

Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?

– Ты, конечно, спору нет,

Ты, царица, всех милее, всех румяней и белее...»

Я прочла вслух первые строки нового рассказа. Голос неожиданным эхом отразился от стен спальни, и я испуганно замерла, вжавшись в подушки. На долю секунды мне показалось, что дом словно выдохнул, стряхнув с себя напряжённое ожидание. Я прислушалась к звенящей тишине, которая поглотила даже утренние звуки сада за распахнутым окном. Но за грохотом перепуганного сердца не услышала ничего, кроме своего прерывистого дыхания. Эдина мирно сопела на моих бёдрах. Раскрытая тетрадка призывно глядела на меня чёрными буквами. Старая усадьба неторопливо просыпалась, оживляя комнаты неожиданными, но вполне объяснимыми скрипами.

– Зеркало, мой свет, скажи,

Да всю правду доложи:

Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?

– Ты, конечно, спору нет,

Ты, царица, всех милее, всех румяней и белее... – повторила я вслух, напряжённо вслушиваясь в действительность, и расслабилась, перевернув страницу. Вот уж правда, сильное воображение рождает событие. И я продолжила чтение.

«Строчки из старой сказки неожиданно всплыли в голове, когда я стояла и пялилась на шикарное зеркало в антикварной лавке: единственной на весь наш небольшой южный городишко. Какого лешего меня занесло в этот магазинчик, я и сама не могла себе объяснить. Пошёл дождь, и я нырнула в первую попавшуюся дверь, гостеприимно звякнувшую колокольчиком, выпуская покупателя.

Старыми вещами я никогда не увлекалась и не понимала людей, одержимых страстью собирательства. «Пылесборники», – так на моём языке назывались вещицы, не имеющие практического применения в жизни. Но это зеркало было особенным. Оно сразу привлекло моё внимание, и, таинственно подмигивая солнечными зайчиками, не отпускало меня от себя.

– Интересносуетесь? – послышался позади меня скрипучий голос.

Я напряглась, представив себе старикашку в древнем пиджаке с блестящими лацканами помутневшего атласа и засаленными рукавами некогда белоснежной рубашки, суетливого и навязчивого.

– Да, собственно, нет, – пожала я плечами и повернулась лицом к хозяину бутика древностей.

Небольшого роста элегантный мужчина в возрасте с крючковатым носом, тёмными глазами практически без зрачков под кустистыми седыми бровями и с лёгкой улыбкой, не стесняясь, рассматривал меня. Я улыбнулась в ответ. К мужскому вниманию я привыкла лет с восемнадцати, впервые осознав свою привлекательность. Сейчас мне за тридцать, и я всё так же прекрасна. Рыжая с солнечной искрой грива вьющихся волос, зелёные глаза, брови вразлёт, ладная фигурка и пресловутая харизма, которая легко превращает просто симпатичную барышню в невероятно притягательную девушку – мечту большинства мужчин.

– От дождя прячусь, – улыбаясь, уточнила я. – Надеюсь, вы не против?

– Ну что вы, милая барышня, – склонив голову в приветственном жесте, промолвил хозяин. – Я всегда рад гостям, особенно таким очаровательным.

Его голос, минуту назад скрипучий, как несмазанная дверь, коснулся моего слуха нежным бархатом. Таким тембром элегантные мужчины из популярных блокбастеров соблазняют женщин походя, перепрыгивая из авто в самолёт, а с него – на яхту. Я моргнула, прогоняя навязание: мне показалось, в мужских глазах полыхнуло пламя, а в полутёмной зале запахло... серой.

«Не смешно!» – пропихало моё благоразумие где-то глубоко внутри меня, но я отмахнулась от него, продолжая разглядывать расставленные на витринах безделушки, исподволь косясь на убелённого сединами господина аристократического вида. При этом взгляд мой всё время возвращался к зеркалу.

– Вы позволите угостить вас кофе, прекрасная незнакомка? – поинтересовался собеседник. – И я поведаю вам историю этой прелестной безделушки. Я вижу, она вам приглянулась.

Обычно я не принимаю приглашений от незнакомцев. Но... Небеса прорвало, а зонт я с собой не взяла, поверив синоптикам, обещавшим солнечную погоду весь день.

– Пожалуй, я соглашусь на ваше предложение, – кивнула я и опустилась в кресло возле окна, куда пригласил меня властитель древних древностей.

– Разрешите представиться, Астарот Вольдемарович Абаддон.

– Ух ты! – не сдержала я восклицания. – Диана, просто Диана.

Представляться чужому человеку полным именем я не собиралась.

– Как интересно, – разливая кофе по изящным фарфоровым чашкам, вымолвил Астарот Вольдемарович. – Зеркало, что привлекло ваше внимание, носит имя самой прекрасной

женщины французского королевства – Дианы де Пуатье. Не желаете взять его в руки? Это вас ни к чему не обяжет, – заверил он, видя мои колебания.

– Почему бы и нет, – согласилась я, осторожно поставив прозрачный фарфор на столик.

Каменная рама легла в мои руки, ладони ощутили приятную тяжесть. Я даже не заметила, когда мой собеседник успел подойти к прилавку, взять зеркальце в руки и вернуться к окну, где мы сидели. Заворожённо я всматривалась в своё отражение. Никогда до этой минуты я не казалась себе настолько красивой. Симпатичной, милой, харизматичной – да. Но из тёмной зеркальной души на меня смотрела истинная красавица. Изящный разлёт бровей, густые длинные ресницы, веером отбрасывающие тень на персиковые щёчки с нежным румянцем, глубокий изумрудный блеск глаз, коралловые в меру припухлые губы. Я словно разглядывала саму себя, которой могла бы быть.

Уходила я спустя час от гостеприимного хозяина, крепко сжимая в руках свёрток от господина Абаддона. Я не помню, как он убедил меня принять такой дорогой подарок, как добралась домой, что делала по дороге. В голове пульсировала лишь одна мысль: «Спрятать и никому не показывать! Моя прель-ле-с-с-сть!» Да, теперь я понимала несчастного Горлума, у которого пытались отобрать кольцо! Все тётки неопределённого возраста, все молоденькие вертихвостки в маршрутке и на улице по пути домой – все они непременно захотят отобрать у меня зеркало, возвращающее молодость!

Одной рукой я прижимала драгоценную вещицу к сердцу, а другой украдкой, чтобы никто не заметил, ощупывала лицо. Исчезли первые глубокие морщинки на лбу, разгладились «гусиные лапки» в уголках глаз, пропали носогубные складки. Моё лицо – гладкое и нежное – словно светилось изнутри перламутровым светом!

Я примчалась домой, не чуя под собой ног. На бегу разделась и разулась, шикнула на кошку, чтобы не мешалась под ногами, и помчалась в спальню, не выпуская старинную вещицу из объятий. В комнате я с трудом уговорила себя положить зеркало на кровать, но только после того, как убедилась: двери и окна заперты, занавески не пропускают дневной свет.

Раздевшись догола, я встала перед зеркальным полотном встроенного шкафа и внимательно стала себя изучать. Первые признаки старения исчезли на глазах, словно кто-то невидимый стирал их мягкой губкой. На задворках памяти в калитку разума смутно забила мысль: смотреть в зеркало Пуатье можно не более пятнадцати минут в день.

«Да-да, я помню: Астарот предупредил», – отмахнулась я от инстинктов. И продолжила вглядываться в отражение. Затем снова схватила волшебную вещь и принялась разглядывать пристально лицо, помолодевшее лет на пять за один сеанс.

А ведь я поначалу улыбалась и не верила словам Астарота! Отмахнулась, заявив старому антиквару, что знаю тайну стекла, подаренного Диане. Вся суть в том, что Челлини заставил стареющую Пуатье поверить в свою немеркнущую красоту, создав зеркало на основе золотой амальгамы. А уже золото заставило заиграть отражение солнечными лучами, скрывая недостатки и приумножая достоинства. И только спустя годы людская молва дополнила историю мифом о том, что творение старого мастера одаривает владельца не только вечной красотой, но и успехом на выбранном поприще.

Налюбовавшись собой вдоволь, с трудом оторвав себя от обычного зеркала, я укутала подаренную вещицу для надёжности в кусок шёлковой ткани и спрятала глубоко в недра шкафа. Нехотя принялась за домашние дела: накормила кошку (мельком отметив, что животное нервничает), приготовила лёгкий ужин и торопливо проглотила его, не ощущая вкуса, быстренько отправила несколько писем по работе, наскоро приняла душ и вернулась к магии. Я уже предвкушала, как будут мной восхищаться коллеги-мужчины и завидовать дамы на работе.

Домывая чашку, я услышала дикий вопль мейн-куна. От неожиданности кружка выпала у меня из рук и разбилась о края раковины. Сообразив, что ор раздался из спальни, я рванула в комнату, предчувствуя беду. Моя красавица сидела на полу, прижав уши, нервно дёргала хвостом и шипела на... зеркало Дианы, которое неведомым образом оказалось на туалетном столике.

Удивившись, я отмахнулась от пёрышка страха, щекотнувшего сердце: «Этого не может быть! Я просто забыла его спрятать!» Подошла и попыталась взять Рыську на руки, успокоить её. Но тут она сиганула с пола прямо на стол, и я замерла в ужасе, не успев ничего предпринять! Зеркало падало. Кошка орала не своим голосом. Я стояла, забыв, как дышать, и зажмурил глаза. Услышав глухой стук и утробный вой животного, я распахнула ресницы и увидела жуткую картину: моя куняха, припав к полу, оскалив зубы, рычала на упавшую вещь, кидалась на неё, пытаясь разодрать когтями.

Хвост ходил ходуном в разные стороны, хлеща кошку по бокам. На моё возмущённое «Фу!» Рысь никак не отреагировала. Я, схватив тапку, шлёпнула её под зад. Кошара взвилась вверх метра на полтора и, упав на зеркало, накрыла его собой. С трудом, но мне удалось вырвать антикварную вещь из лап взбесившейся куняхи. Затолкав её в соседнюю комнату, я принялась разглядывать подарок, выискивая царапины и повреждения. Вздохнула с облегчением и взглянула на своё отражение.

Очнувшись я от звонка будильника, сидя на полу, привалившись спиной к кровати, держа в руках венецианское стекло и по-прежнему в него вглядываясь. С трудом подняв отёкшее тело с пола, вяло начала собираться на работу. Кошка, устав буйствовать в зале, нервно спала. Когда я зашла в комнату, Рыська попыталась сбежать. На подходах к спальне мне удалось её перехватить и запереть на балконе. Закинув туда же еду, миску с водой и кошачий горшок, я отправилась на работу. Но мысли были заняты исключительно зеркалом Дианы: как оно там? Не добралась ли до него кошара? Не нашла ли его сестра (надо отобрать у неё ключи!)? Не упало ли с комода?

Доведя себя до нервной дрожи, я судорожно покидала вещи в сумку, придумала какую-то правдоподобную отмазку и умчалась с работы на такси. И только заперев все замки и занавесив окна, я облегчённо выдохнула: зеркало Дианы стояло на своём месте, поглощая солнечные блики.

Кошку я отдала сестре. Сменила работу. Сегодня я автор более трёх десятков романов и десяти бестселлеров. Моё нестаряющееся лицо знает весь мир. Я редко даю интервью и никогда не путешествую. Продукты и нужные вещи заказываю по телефону и интернету. Мой дом теперь – моя крепость. Двойные двери, замки и засовы. Кованые решётки на окнах и балконе, сигнализация. Несгораемый сейф в спальне.

Каждое утро я достаю из шкафа волшебное зеркало и разглядываю своё лицо в нём. А затем вместе с ним отправляюсь за рабочий стол и начинаю писать. С отражением Дианы работается легко и спорно: она умна, непредсказуема, элегантна и весела. Властительница души, повелительница помыслов, возлюбленная монарха. Моя загадочная Муза.

Мне семьдесят семь, но выгляжу я на двадцать пять. Последнее время я стала замечать: мой облик, по-прежнему безупречно-красивый, стал бледнеть, теряя краски. Диана грустно улыбается, пожимает мраморными плечами и торопит к столу. Утро сменяет день, ночь поглощает вечер. Сбивая пальцы в кровь, я дописываю заключительные страницы своей последней книги.

Завтра на закате в мою дверь постучит Астарот Абаддон. Теперь я знаю, кто он. Верный демон прекрасной Дианы, хранитель солнечного света.

Теперь я понимаю его предупреждение. Но всё равно не могу остановиться. Диана желает поведать миру свою историю.

Каменеющими пальцами я ставлю последнюю точку в книге и сохраняю файл. С трудом поднимаюсь из-за стола, беру в руки зеркало Дианы де Пуатье, укладываюсь в кровать, облачившись в чёрно-белые одежды. В золотой глади старинного стекла я вижу своё красивое до невозможности лицо. Я улыбаюсь. Я счастлива. Я засыпаю, сжимая свою душу в объятиях. Доброго утра, Астарот. Прощай, прелестная Диана».

Глава 4. Ди Ху

– Прощай, прелестная Диана. – Звук собственного голоса, нарушивший тишину комнаты, заставил меня поёжиться от ощущения неправильности. Словно не имела права произносить это имя вслух. И теперь дом, сурово нахмурившись, глядел на меня через окна, прищурившись и прикрывшись занавесками-ресницами. Оценивал, разглядывал, ждал.

– Да к чёрту всё! – возмутилась я вслух, спихнула кошку с коленей и, откинув любимое одеяло, выползла наконец из его тёплых объятий.

Эдина недовольно фыркнула, выгнулась, потянулась и лениво зевнула. Потрогала лапкой тетрадку, безжизненной птицей развалившуюся на простыне. Ещё раз фыркнула и, демонстративно задрав хвост, отправилась прочь из спальни. На пороге она неторопливо оглянулась на меня, зыркнула в сторону окна и царственно поплыла в сторону кухни.

– Ну иду я, иду, – проворчала я и двинулась следом за кошкой.

Дорогу до кухни я практически пробежала, не желая вглядываться в зеркала и на ходу обрезая щупальца собственного воображения. Тени, бегущие рядом со мной в зазеркалье, не пугали, пока я думала о том, что это моё отражение несётся рядом со мной по полутёмному коридору. Но стоило только на секундочку отпустить вожжи, и сердце начинало безудержно колотиться о рёбра, прокачивая уровень немотивированного страха и заливая адреналином разум.

«Это просто зеркала! – влетая в кухню, уговаривала я себя. – В них никто не живёт. Только отражение!»

«Я бы на твоём месте не была столь уверена». – Голос тётки, раздавшийся на кухне, залитой полуденным солнцем, заставил сердце провалиться в пятки, а меня подпрыгнуть на месте.

– Что за шишел-мышел здесь творится?! – резко развернувшись в сторону звука, выкрикнула я.

Эдина перестала умываться и удивлённо уставилась на меня круглыми жёлтыми глазами. Тётки за моей спиной не оказалось. Как, собственно, и во всём доме.

– Остановись, воображение, ты ужасно! – громко и зло выдохнула я и вернулась на кухню. – Прощай, Диана! Про-щай! – ворчала я, ставя миску перед кошкой. – И ты сама завещала мне этот дом! – продолжала я бессмысленный диалог с умершей тётей Ди. – Так зачем теперь пугаешь меня?! – резко развернувшись лицом в сторону распахнутой кухонной двери, сердито выкрикнула я в полумрак коридора и замерла, прислушиваясь.

Дом поскрипывал. Но эта музыка старинного здания не пугала, а скорее, ободряла и давала понять, что ничего сверхъестественного в особняке не происходит. И это всего-навсего моё буйное воображение сыграло со мной злую шутку.

– Ибо не фиг читать что не попадая полночи и полдня, да, Эдина? – Подхватив поднос с туркой, исходящей ароматным паром, пустой чашкой и блюдцем с сыром и шоколадом, улыбнулась я, утомив свои фантазии, и отправилась вслед за кошкой в сад.

* * *

Занавеска на втором этаже кольхнула и замерла, скрыв чью-то тень. В коридоре раздался едва слышимый переливчатый смех. Но Аина, прихлёбывая кофе и лакомясь сыром вместе с вернувшейся после обхода Эдиной, радовалась новому дню, откинув прочь все нелепые испуги и фантазии. При свете дня нелепости, приключившиеся с ней в доме, казались сущими

глупостями. Тем более что кошка вела себя совершенно спокойно. И это означало, что посторонние на территории отсутствовали.

Оранжевая тетрадка, раскрыв нутро, мирно лежала на кровати, терпеливо дожидаясь новую владелицу. Тишину комнаты нарушало только тиканье часов на полке, заключённых в зеркало. Игривые прикосновения ветерка шевельнули воздушные занавеси, добрались до раскрытой рукописи и перелистали страницы. Зеркальная гладь на секунду потемнела, спрятав за мелькнувшей тенью изображение спальни. Но уже в следующее мгновение амальгама посветлела и отразила в своей глубине кровать, тетрадку и часть спальни.

Часы с усердием принялись громко отсчитывать секунды нового дня. Зеркало улыбнулось солнечным зайчиком, дом замер, вольготно распахнув окна для встречи ветерка.

* * *

– Ба, привет, – улыбаясь в трубку, поприветствовала я старейшину нашего рода. – Как оно ничего? Вот и у меня так же, – хихикнула я, откликаясь на бабулину шутку про жизнь, которая бьёт ключом, и хорошо, что не по голове. – Ба, а что ты знаешь про птицу счастья? – начала я с места в карьер. – Ба, алё? – позвала я.

Затем глянула на экран телефона: вдруг ухом отключила связь? У меня бывает.

– Ал-ло... Есть кто живой? – заканючила я снова. – Ба, чего молчишь? Кто там у тебя?

– Аина... – раздался бабулин голос. – Отчего ты вспомнила персидские сказки?

– Сказки? – удивилась я. – Почему сказки?

– Потому что я читала тебе в детстве сказку о птице счастья. Довольно-таки странная сказка, насколько помню.

– Правда? Не помню, – пожала я плечами, забыв, что ба меня не видит. – Нет. Я про имя, которым тётя Ди подписывала свои истории. Видимо, в юности, – уточнила я. – Я нашла тетрадку с рассказами, и там стоит подпись «Ди Ху».

– Ди Ху... Надо же, – хмыкнула бабушка в трубку. – У каждого свои причуды. Внуца, мне стыдно слышать такие речи. Разве ты забыла, как переводится фамилия нашего рода?

– Ну-у... Нет, конечно, – торопливо заотнекивалась я, надеясь, что ба поверит в моё детское враньё.

«Чёрт! Как я могла забыть? Ну конечно же: Ди – Диана, Ху – Хумар. Просто сократила, и всё, а я-то себе напридумывала!» – Я готова была провалиться сквозь землю. Это насколько зеркала с рассказами заморочили мне голову, что соображалка напрочь отключилась?

– Хм... Сделаю вид, что поверила, – хмыкнула бабушка. – Что ещё интересного нашла в доме Дианы?

На секунду мне показалось, что в бабушкином голосе сквозит напряжение, но Эдина запрыгнула ко мне на колени, чуть не выбив телефон из руки, и я, выругавшись, отмахнулась от глупого ощущения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.